

Зеркальное подобие УНОВИСовской структуры и сущностных принципов Второй волны очевидно и в утверждении Э. Тоффлера: «... структурам и другим организациям присущи многие черты фабрично-заводского производства с его разделением труда, с иерархической структурой и полной безликостью. И даже в искусстве мы находим некоторые принципы, свойственные фабричному производству.<...>все больше зависят от милости рыночной площади. <...> Меняется сама структура артистической деятельности.<...>происходит сдвиг от камерных к симфоническим формам» [1, С. 69–70].

Таким образом, проект К. Малевича – не утопия, а программа реального, прагматического действия в индустриальной цивилизации. Реализована она была в Витебске, и осуществление ее стало возможным только в короткий промежуток сразу после событий Октябрьской революции до утверждения тоталитаризма в СССР.

Источники и литература

1. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: ООО АКТ, 2002. – 776 с.
2. Шатских А. Витебск. Жизнь искусства. 1917 – 1922. – М.: Языки русской культуры, 2001. – С. 74.
3. Эйзенштейн С. Избранные произведения в 6 тт., Т. 5. – М., 1971. – С. 432.

РЕАКЦИЯ ВОСПИТАННИКОВ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ НА СОБЫТИЯ ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

А.Н. Гребенкин

Орел, Академия ФСО России

До 1914 года русская армия была максимально деполитизирована. Слова «офицер» и «политика» являлись взаимоисключающими. Офицер, желавший заняться политической деятельностью, должен был расстаться с мундиром. В соответствии с данной установкой подготовка русского офицерского корпуса в кадетских корпусах и военных училищах осуществлялась в строгом соответствии с официальной государственной идеологией, патриотическими и религиозными ценностями.

Отгороженность офицеров от политики была, по мнению А.И. Деникина, не столько благом, сколько злом: «Недостаточная осведомленность в области политических течений и особенно социальных вопросов русского офицерства сказалась уже в дни первой революции и перехода страны к представительному строю. А в годы второй революции большинство офицерства оказалось безоружным и беспомощным перед безудержной революционной пропагандой, спасовав даже перед солдатской полуинтеллигенцией, натасканной в революционном подполье» [1, с. 50].

Состав русского офицерского корпуса к 1917 г. существенно изменился: подавляющее большинство офицеров «военного времени» и по своему социокультурному облику, и по мировоззрению кардинально отличалось от представителей кадрового офицерства. Военная школа также была затронута деструктивным влиянием событий 1914-1917 гг., однако принципы обучения и воспитания не претерпели существенных изменений. Таким образом, к марту 1917 г. военная школа являлась реликтом, единственным не изуродованным войной до неузнаваемости фрагментом почти ушедшей в небытие русской императорской армии.

Революционный шквал конца февраля – начала марта 1917 г. оказал на воспитанников военно-учебных заведений (особенно кадет) шоковое воздействие. Откровенное и циничное поправление того, что составляло основу подготовки будущих офицеров и было для кадет и юнкеров сакральным и неприкосновенным, приводило к невыносимым, почти физическим, страданиям. Поэтому их поведение в условиях событий первых постреволюционных недель отличалось максимализмом, нетерпимостью и бескомпромиссностью. Воспитанники были крайне возмущены «диким», по их мнению, приказом № 1 Петросовета, резко диссонировавшим с желанием кадет и юнкеров «умереть за веру, царя и Отечество» [2, с. 206]. Приказ был началом новой, еще смутно ощущаемой, жизни, понять и принять которую будущие офицеры не могли: «Как возможно, рассуждали мы, проходить церемониальным маршем перед президентом республики и лихо салютовать ему шашкой. Президент, презренный шпак, представлялся нам в куцем пиджаке, с перхотью на воротнике и в брюках в полоску. И вывод напрашивался один, хотя никто его не высказывал, что без Царя Россия тоже будет куцей, неудобной и нескладной» [3, с. 25].

Поэтому кадеты и юнкера показали себя самыми решительными и самоотверженными защитниками старого режима. В этом была и их сила, и их слабость. Стремясь сохранить прежнюю Россию, величие ее армии и флота, воспитанники военно-учебных заведений одновременно пытались вернуться во вчерашний день, яростно отстаивая уже де-факто рухнувшее самодержавие. Питомцы Морского училища вечером 27 февраля с энтузиазмом восприняли призыв своего начальника вице-адмирала В.А. Карцова не следовать примеру предателей, изменивших императору, и исполнить свой долг и присягу до конца с оружием в руках: «Громкое «ура» под звуки «Боже, царя храни» покатилося по залу» [4, с. 362]. Слова начальника оказали колоссальное влияние на гардемарин и кадет: «...как живой влагой, упивались все его словами, поднятое настроение наэлектризовало всех» [5, с. 199]. Гардемарины, юнкера и кадеты старших классов, которым были розданы винтовки и патроны, находились в приподнятом настроении, спали в обнимку с оружием, с радостью ходили на дежурства и просили у начальства разрешения открыть огонь по толпам митингующих, которые периодически ломались в двери военно-учебных заведений, требуя впустить их внутрь. Общее оживление передалось и кадетам младших классов. Военная молодежь была настроена весьма решительно. Только растерянность офицеров не позволила гардемаринам Морского училища предотвратить арест В.А. Карцова революционной толпой. Один из очевидцев разграбления училищного арсенала и корпусного музея матросами, солдатами и рабочими с горечью отмечал: «Если бы нас организованно бросили для защиты чести корпуса, это было бы понятно, чем такая пассивная, жалкая, неясно по чьему распоряжению навязанная нам роль» [6, с. 192].

«Демократизация» отношений в армии кадетами, юнкерами и выпускниками военных училищ воспринималась крайне негативно. Приказ Петросовета № 1 в военно-учебном ведомстве игнорировался: воспитанники продолжали следовать установленным правилам, отдавая честь офицерам. Молодые офицеры стремились в меру своих сил навести порядок в действующей армии. С. Мамонтов, окончивший Константиновское артиллерийское училище в августе 1917 г., выбрал вакансию в запасную артиллерийскую бригаду, размещавшуюся в Москве. 19-летний прапорщик был неприятно поражен внешним видом части: «Тут (в батарее) революция чувствува-

лась гораздо больше, чем в училище, где был порядок. Солдаты слонялись расхлябанные, луца подсолнухи, не отдавали чести и видимо ничего не делали» [7, л. 1]. Желая навести порядок среди подчиненных ему солдат, молодой офицер избил нескольких человек, отказавшихся идти на построение, и был сразу же отправлен на фронт. Стремительная большевизация и разложение армии вызывали у питомцев русской военной школы ярость и отчаяние. Неудивительно, в октябрьских событиях 1917 г. и в Петрограде, и в Москве юнкера (как и кадеты старших классов) показали себя наиболее непримиримыми противниками большевиков.

Культ императорской семьи в кадетских корпусах после Февральской революции достиг апогея. В 3-м Московском корпусе воспитанники самовольно взяли оружие и три дня (!), не сходя с места, стояли у портретов императорской семьи, не позволяя их снять [8, л. 4]. Большое внимание уделялось и имперской атрибутике. Двуглавые орлы и императорские короны стали прикрепляться к портупьям и ножнам штыков, воспитанники Морского училища отказывались снять со своих погон вензеля наследника цесаревича – бывшего шефа заведения.

Замена старых святынь и символов новыми вызвала резкую реакцию отторжения. Кадеты-хабаровцы, встретившие революцию «со злобным чувством негодования», в отличие от солдат гарнизона, воспротивились замене триколов на красные полотнища и пришли на революционный парад со старыми знаменами [9, с. 77; 10, л. 1]. В Морском училище в апреле 1917 г. несколько гардемарин сорвали ночью с фасада заведения красный флаг и спрятали его в печи (согласно другой версии – разрезали на куски и утопили в ватерклозете), за что были отданы под суд, который их оправдал, и исключены из заведения. Если кадет выводили на «революционные» парады, то они умышленно шли кое-как, нарушая равнение и сбиваясь с ноги, роняли и топтали ногами красные флаги и цветы, которые им выдавали организаторы, огрызались на студентов и курсисток, пытавшихся заговорить с ними, и даже грозили им оружием. Во время прохождения демонстрантов мимо кадетских корпусов из раскрытых окон часто доносилось пение «Боже, царя храни!» Когда оркестр полочан заставили играть «Марсельезу», воспитанники отказались это делать, «отговорившись тем, что не успели ее разучить» [11, с. 65].

Позиция начальства военно-учебных заведений, сознательно или вынужденно выступавшего в защиту революции, не разделялась воспитанниками. 6 марта 1917 г. вновь назначенный начальник Морского училища генерал-лейтенант А.М. Бригер призвал гардемарин, кадет и их родителей к тому, чтобы «...не только забыть старые формы взаимоотношений, но и вытекавшие из них недоразумения и столкновения, как бы они ни были сложны и резки» [12, л. 17]. Бригер отмечал, что «старый режим со всеми его частными сторонами и особенностями безвозвратно пал», и предлагал своим подопечным идти нога в ногу со временем, не обращая внимания на служебное, общественное и сословное положение своих сограждан, не задевая их человеческое достоинство и личное самолюбие, обращаясь к окружающим вежливо и корректно. Однако воспитанники были чужды демократических настроений и подчеркивали свою преданность монархическим идеалам. В результате через несколько месяцев по распоряжению А.Ф. Керенского прием в Морское училище – «осиное гнездо контрреволюции» – был прекращен, а воспитанники третьей роты были переведены в Отдельные гардемаринские классы. Однако попытки «демократизации» бывших воспитан-

ников Морского корпуса не увенчались успехом. Мичман А. Рахманинов вспоминал, что воспитанники Морского училища, «преданные всей душой родному флоту и старому Морскому корпусу, были, как один, настроены ультрамонархически и «республик» не уважали» [13, с. 29]. Столь же «ультрамонархически» были настроены и кадеты, которые, будучи назначенными, вопреки их желанию, в общечуленнические комитеты, решительно выступали против организации забастовок и отвечали на призывы включиться в революционную деятельность угрозами расправиться с не в меру активными агитаторами из числа гимназистов.

Подавляющее большинство питомцев военно-учебных заведений в силу своих твердых монархических убеждений, неприязненному отношению к политике в целом и в особенности к тем диким, разгульным формам, в которые она была облечена в 1917 г., не могло вписаться в новые реалии общественной жизни. Им оставалось либо героически погибнуть, либо покинуть Россию. Те, кому удалось остаться в живых, унесли с собой на чужбину, законсервировали и сохранили те традиции, правила и заветы, которые в течение десятилетий формировали профессиональный и культурный облик русского офицерства. Их возрождение в России было лишь вопросом времени.

Источники и литература

1. Деникин, А. И. Путь русского офицера / А. И. Деникин. – М.: Современник, 1991. – 300 с.
2. Калкин, О. А. Выпускники Псковского кадетского корпуса на белых фронтах Гражданской войны 1918-1922 гг. / О. А. Калкин, Е. М. Калкина // Михайлов день 1-й. Журнал исторической России. – Ямбург, 2005. – С. 204-216.
3. Айзов, Вл. Последние дни корпуса во Пскове / Вл. Айзов // Досуг кадета-псковича. – Февраль 1957. – Париж. – На правах рукописи. – С. 25-31.
4. Зуев, Г. И. Историческая хроника Морского корпуса. 1701-1925 гг. / Г. И. Зуев. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. – 447 с.
5. Фус, Г. Г. Последние дни корпуса / Г. Г. Фус // Морской кадетский корпус. В воспоминаниях воспитанников / Сост. А.Ю. Емелин. – СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ»», 2003. – С. 197-203.
6. Шульц, С. С. Из воспоминаний / С. С. Шульц // Морской кадетский корпус. В воспоминаниях воспитанников / Сост. А.Ю. Емелин. – СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ»», 2003. – С. 170-196.
7. Мамонтов, С. Воспоминания / С. Мамонтов // Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» им. А.И. Солженицына (далее – Архив БФРЗ). – Ф. 1. – Е-80.
8. Горская (Переверзева), Н. С. Воспоминания / Н. С. Горская (Переверзева) // Архив БФРЗ. – Ф. 1. – А-64.
9. Хабаровский графа Муравьева-Амурского кадетский корпус. 1888-1978. – Сан-Франциско: Глобус, 1978. – 292 с.
10. Сейфуллин, В. В. Отношение к революции кадетов Хабаровского графа Муравьева-Амурского кадетского корпуса / В. В. Сейфуллин // Архив БФРЗ. – Ф-1. – А-115.
11. Таболина, Т. В. Кадеты: рассеяны, но не расторгнуты / Т. В. Таболина // Русская история. – 2009. – № 3. – С. 64-67.
12. Переписка о выдаче документов; списки выпускников учебных заведений России. 1917 // Российский государственный архив военно-морского флота. – Ф. 432. – Оп. 1. – Д. 8158.
13. Крицкий, Н. Н. Владивостокские гардемаринки (Обеспечение Сибирской флотилией корабельной практики гардемарин учебных заведений Морского ведомства в 1915-1917 гг. Владивостокское Морское училище 1918-1920 гг.) / Н. Н. Крицкий, А. М. Буяков. – Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2000. – 194 с.